

Богдан Галь*

РОССИЙСКИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ КАНОН (1856–1886)**

ПОПЫТКА НОРМАЛИЗАЦИИ НЕНОРМАЛЬНОГО

Получено: 23.10.2021. Рецензировано: 07.01.2022. Принято: 03.02.2022.

Аннотация: Процесс формирования российского полицейского канона эпохи Великих реформ реконструируется в статье через проявления в полицейском законодательстве, теории полицейского права, полицейской истории и «уголовном» романе. В 1859–1862 гг. Комиссия о губернских и уездных учреждениях при МВД указала на устарелость господствовавшей полицейской модели и подготовила пакет проектов законов и ведомственных положений. По причинам финансового характера и неустрашимого противоречия началам других реформ итогом деятельности Комиссии стало не столько преобразование, сколько «коренное улучшение» существующих полицейских институтов и организаций. В теории полицейского права под влиянием немецких полицейстов был поставлен, но не разрешен вопрос изменения полицейской деятельности через широкое общественное участие и исключения всего «несвойственного» полиции (суда, благоустройства). Иницированное МВД собрание и обнародование исторических и статистических сведений, а также издание исторических обзоров служило задачам полицейской реформы и формирования ведомственной идентичности. Любопытство российского обывателя в отношении полицейской деятельности частично удовлетворили «уголовные» (или «сенсационные») романы, в которых делался акцент на раскрытие не столько преступления, сколько психологии преступника, а полицейские выступали в качестве фоновых героев. В итоге попыток осмыслить, преобразовать и нормализовать (институционализировать) российскую полицию утвердилась идея невозможности определить с сущностью полицейской деятельности, научного и художественного ее осмысления и правового нормирования. В качестве канонической стала восприниматься полицейская модель, включающая организационные формы, интерпретируемые современниками как устаревшие, и направленная на разрешение задач, не подходивших под компетенцию «нормальных» (в достаточной степени институционализированных) учреждений.

Ключевые слова: канон, норма, полицейская модель, Комиссия о губернских и уездных учреждениях, полицейское право, художественный образ, эпоха Великих реформ.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-117-150.

*Галь Богдан Александрович, к. и. н., доцент кафедры истории и политической теории Национального технического университета «Днепропетровская политехника» (Днепр, Украина), bogdan.gall@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3661-5616.

**© Галь, Б. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Практические логики — институты, человеческие практики — должны определяться своей спецификой, и одна из серьезных научных ошибок в исторических науках состоит в том, что сами эти науки оказываются строже своего предмета, то есть в дискурс о предмете закладывается больше строгости, чем есть в предмете, дабы соблюсти требования строгости, которые диктуются не предметом, а полем производства дискурса об этом предмете (Бурдые, Кралечкин и Кушнарева, 2016: 199).

Зависимость реализации Великих реформ 1860–1870-х гг. от содействия полиции сделала видимым и одновременно проблематизировала привычный набор полицейских моделей, убеждений, институтов.

Законодатель александровской эпохи прекрасно сознавал их несоответствие т. н. «требованиям времени» и замыслам прочих преобразований местного управления. Так, высочайше утвержденные «Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 г. начинались с таких слов (ПСЗ РИ, т. 37, 1862: 588–589):

Обозревая разные предметы государственного управления, требующие нового, более соответственного их цели образования, мы убедились, что одно из первых мест в ряду их должна занимать полиция.

Предполагалось, что и круг разделявших это предположение был довольно широк, что в результате гласного обсуждения в министерских комиссиях и губернских комитетах с привлечением опытных административных и полицейских чиновников всех уровней, ученых-правоведов, историков и статистиков будет сформирован обновленный и устойчивый набор полицейских моделей, убеждений и институтов, или российский полицейский канон.

Одновременно высказывались обоснованные сомнения в возможности полицейского канона как такового, что было связано с самой природой полиции. Еще Екатерина II в дополнении к Большому Наказу (1768) следующим образом определяла специфику предмета полиции (и отличие его от предмета юстиции): все мелочное и изменчивое («вещи ко благочинию принадлежащая суть такая, кои всякий час случиться могут, и в коих обыкновенно дело идет о малом чем. [...] Действия полиции [...]

чинятся над вещью всякий день сызнава случающимися») (Императрица Екатерина Великая, 2008: 103). Если и возможно было нормировать¹ подобную мелочную и изменчивую реальность, то только с помощью столь же мелочных и изменчивых законов² — так через полвека после Екатерины развивал эту мысль М. А. Балугьянский в «Рассуждении о средствах исправления учреждений и законодательства в России» (Сборник РИО, т. 90, 1894: 27):

Законы [...] полицейские [...] по существу своему подлежат переменам, смотря по различию времени, государственных нужд и обстоятельств.

К началу эпохи Великих реформ законодательство продолжало смотреть на полицию как на «нечто такое, чему можно было поручить выполнение всех вообще неорганизованных задач государственного управления» (И. Т. Тарасов) и приписать в связи с этим полицейскому («ненормальному») ведомству чрезвычайный характер³ (Н. М. Коркунов) (Тарасов, 1885: 3–4).

Поиски выхода из этого противоречия — утверждения (не)возможности российского полицейского канона — в эпоху, крайними точка-

¹В курсах лекций в Коллеж де Франс, прочитанных соответственно в 1975–1979 и 1989–1992 гг., М. Фуко и П. Бурдьё широко используют понятие «норма», не давая ему четкого определения. Можно заключить, что для М. Фуко норма — это инструмент одновременно и полицейского режима власти, позволяющий контролировать дисциплинарный уровень тела, и управленческого режима власти, осуществляемого с середины XVIII в. над телом-видом (населением) (Фуко, Самарская, 2005: 266). П. Бурдьё говорит о бюрократическом поле, в котором утверждаются нормы (регулярности, часть которых выписана в явном виде), касающиеся других полей, — статистики, официальные агенты, законодатели в борьбе мнений присваивают некоторым из них статус научного (универсального) знания, аналогично государство присваивает одной из точек зрения статус истины, низводя остальные до статуса частной, конфликтной, локальной заинтересованности (Бурдьё, Кралечкин и Кушнарёва, 2016: 92–94, 112, 206–207, 665). Подобный государственный акт П. Бурдьё определяет как «мобилизацию доксы» (не консенсуса!), при которой «высказывания группы получают возможность действовать в качестве приказов и выполнять ту удивительную операцию, что состоит в переходе от позитивного к нормативному» (там же: 103).

²Целесообразность использования в данном контексте понятия «закон» под вопросом: так, современный исследователь О. В. Кильдюшов противопоставляет «содержательно неопределённое» *ius politiae* «специфически правовым формам и принципам» (Кильдюшов, 2013: 11).

³М. Фуко доведет впоследствии эту мысль до логического завершения, назвав полицию «непрерывным государственным переворотом, который осуществляется, который разыгрывается во имя своей собственной рациональности и в зависимости от нее, не подражая и не используя в качестве образца правила юстиции, которые, между прочим, уже существуют» (Фуко, Суслов и др., 2011: 439).

ми которой стали, с одной стороны, появление на свет сатирических «Губернских очерков» (1856) М. Е. Салтыкова-Щедрина и открытие «Милютинской» комиссии (1859), а с другой — пародийные «Шведская спичка» (1884) и «Следователь» (1886) А. П. Чехова и закрытие «Кахановской» комиссии (1885), велись одновременно в сфере полицейского законодательства (ревизия екатерининской полицейской модели), полицейской науки (критическое переосмысление немецкого полицейского права), полицейской истории и статистики (сбор материалов и создание исторической схемы развития административно-полицейских учреждений) и условно полицейского романа, призванного утолить досужий интерес любопытствующего обывателя и задать художественный образ новой полицейской реальности⁴.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ

Различать ментальные модели, убеждения⁵ и институты предложил экономический историк, неоинституционалист Дуглас Норт. Под убеждениями, или ментальными моделями, он понимает идеальные образы (замыслы) институтов, в то время как под институтами — их реальное воплощение. Убеждения могут конфликтовать, в этом случае имеет значение, кто из носителей убеждений (агентов) способен (имеет полномочия) настоять на своем выборе. Такие (доминантные) убеждения создают формальные и неформальные институциональные структуры (Норт, Мартынов и Эдельман, 2010: 15, 80).

Полицейские убеждения Екатерины II, положенные в основу российских полицейских институтов конца XVIII — первой половины XIX вв., включали отделение административно-полицейских функций от судебных и хозяйственных, привлечение в органы местного управления представителей свободных сословий, установление надзора со стороны высшей губернской администрации и прокуратуры.

⁴Если говорить в терминах П. Бурдьё, государство как поле власти, решая задачу реформирования полицейского поля, мобилизовало сопредельные зависимые поля (законотворчество / законоприменение, университетское правоповедение, историю / статистику, художественную литературу), в которых должен был осуществляться поиск универсально значимого, согласование и изменение формальных правил, придание им ценности и устойчивости (институционализация) через формирование канона, т. е. нормализация (непривычное больше не должно было восприниматься таковым).

⁵В работах, написанных в соавторстве с Артуром Т. Дензау, Д. Норт объединяет ментальные модели и убеждения в одну категорию.

По структуре, природе подразделений, методам контроля екатеринская полицейская система характеризуется как неунифицированная (городская полиция отделена от земской); децентрализованная (контролируется исключительно местными бюрократическими структурами); непрофессиональная (комплектование носит смешанный военно-гражданский и выборно-назначаемый характер, профессиональная подготовка отсутствует); оплачиваемая (короной); частично вооруженная (дворянские шпаги и алебарды будочников, штатное вооружение команд); неуниформированная; подсудная судам общей юрисдикции.

Деятели эпохи Великих реформ исходили из представления, согласно которому

существующие [на 1860 г. — Б. Г.] постановления об уездном управлении основаны на законах Императрицы Екатерины II и, в небольшой части, на законах Императора Петра I-го (Труды Комиссии..., ч. I, кн. II, 1860а: 8).

При этом они неоднократно отмечали, что екатеринские полицейские институты «имели и свои несовершенства, сперва не заметные, потом, под влиянием развившейся народной жизни, обнаружившиеся довольно резко», и что Екатериной «сделаны указания на существенные недостатки в местном управлении того времени, но только намечен путь для исправления их», наконец, что в рамках екатеринской модели главные задачи безопасности и благоустройства «далеко еще не разрешались» (там же: 25; Анучин, 1872: 9).

Как утверждал автор первого развернутого очерка истории российских административно-полицейских учреждений Е. Н. Анучин, уже к концу правления Екатерины II функционирующая административно-полицейская система признана была «окончательно неудовлетворительной» (там же: 11). Однако императрицу удерживало от изменений отсутствие иных полицейских убеждений, которые могли бы сформировать более эффективные институты. «Собственноручная записка Императрицы Екатерины II к графу Безбородке против несвоевременного изменения в судоустройстве и судопроизводстве средних и низших судебных инстанций» от 2 ноября 1795 г. фиксирует ее опасения за целостность ментальной модели (Сборник РИО, т. 42, 1885: 258):

Порядок, предписанный в учреждении для управления губерниями 1775 года, ни что иное есть как стези, ведущие к лучшему управлению; из тех отменить, преминуть, выполнить есть вещь вельми нежная; понеже, поправляя по частям, исковеркается легко целое.

Преемниками Екатерины незавершенность (и/или несовершенство) полицейского институционального устройства иногда открыто декларировалась, когда требовалось произвести отдельные (часто локальные) перемены,

«доколе в общем соображении всех предметов полицейского управления не будут поставлены на все его части точнейшие правила, и доколе устав благочиния не получит всех нужных дополнений»,

как в именном указе «О разделении С. Петербургской Полиции на 2 отделения» от 8 июля 1804 г. (ПСЗ РИ, т. 28, 1853: 423–424). Так, в качестве локального эксперимента (в первом случае уникального, а во втором — постепенно масштабируемого) были проведены объединение московской городской и земской полиции с подчинением станových приставов земскому исправнику, но с выполнением ими распоряжений начальника городской полиции (1806) и назначение в части Санкт-Петербургской полиции следственных приставов (1808).

Происходили и изменения екатерининской полицейской институциональной системы в целом, такие как уточнение способа комплектования (места городничих были предоставлены бывшим военным (1801), а позднее раненым офицерам от «Комитета 18 августа 1814 года» (1816), часть членов земского суда, а именно станových приставы, стали замещаться через назначение (1837)); появление министерской униформы (1811, 1834); изменение источников финансирования (с коронного на сословное, 1797); отказ от единых требований относительно организации городской полиции (разрешение неполных Управ благочиния, 1799); централизация контроля над местной полицией в соответствующих министерствах.

В 1816 г. руководство Министерства полиции впервые поставило перед губернаторами вопрос о необходимости глубокой ревизии екатерининской институциональной системы (Андреевский, 1878: 129). Позицию несогласных с намерениями министерства сформулировал и отстоял перед престолом министр финансов Д. А. Гурьев в записке «Об устройстве верховных правительств в России» (Сборник РИО, т. 90, 1894: 64–65):

Учреждение губерний 1775-го года представляет собой совершенный образец таковых установлений по тогдашнему времени, и, не переменяя оных, остается только согласить с учреждениями главных управлений в столице и дополнить их⁶.

⁶Трудно сказать, насколько такая позиция определялась финансовыми соображениями и/или действительной приверженностью полицейской ментальной модели Екатерины II.

В начале следующего царствования «Комитет 6 декабря 1826 года» начал работу над составлением нового полицейского устава и даже определил главные направления неосуществившихся (или, скорее, отложенных во времени) преобразований вполне в духе принципов екатерининской ментальной модели: изъятие у полиции судебных и хозяйственных функций, ограничение ее деятельности охраной «благочиния» и приведением в исполнение распоряжений властей, формирование полицейского корпуса на новых принципах (назначение, профессионализация, содержание со стороны короны) (Тот, 2003: 13).

Всего со времени издания екатерининского «Учреждения» (1775) до открытия Комиссии о губернских и уездных учреждениях (1859) было выпущено 262 административно-полицейских узаконения, общий неуспех которых связывался с тем, что все они «имели случайный и частный характер и потому, при общем применении их, оказывались неудовлетворительными» (Анучин, 1872: 134–135).

В 1855 г. министр внутренних дел С. С. Ланской подал всеподданнейший отчет с обзором недостатков полицейского управления (Труды Комиссии..., ч. I, кн. II, 1860а: 56–58). К числу наиболее примечательных относились разделение городской и земской полиции, порядок комплектования, ничем не сдерживаемый произвол полиции вкупе с мелочной регламентацией ее деятельности, коллегиальный порядок принятия решений, медленность бумажного делопроизводства, безответственность, недофинансирование (Высоцкий, 1903: 161–162).

18 февраля 1858 г. в Главном комитете по крестьянскому вопросу министры юстиции В. Н. Панин, государственных имуществ М. Н. Муравьев и внутренних дел С. С. Ланской при участии графа Я. И. Ростовцева составили предварительные предположения относительно нового устройства местной полиции на основе трех начал: объединения в уездную земскую и городскую полиции, назначения начальника уездной полиции от правительства, увеличения содержания полицейских чиновников. В октябре 1858 г. после рассмотрения в комитете прежние начала были дополнены следующими: отделением от полиции следственных дел с учреждением особых следственных чиновников; устройством отдельного от полиции хозяйственно-распорядительного управления в уезде; отделением (по возможности) от полиции судебных дел (Фукс, 1889: 194–195). Таким образом, определились задачи полицейской реформы: освобождение полиции от всего несвойственного с точным закреплением

предметов прямых обязанностей, увеличение значения и самостоятельности, изменение принципов комплектования, организации и содержания. Коллективные полицейские убеждения высшей александровской бюрократии сформировались не столько взамен, сколько в развитие и дополнение к екатерининским⁷.

Для переустройства сначала уездного (27 марта 1859 г.), а потом и губернского управления (23 октября 1859 г.) была создана Комиссия о губернских и уездных учреждениях⁸ первоначально под руководством товарища министра внутренних дел Н. А. Милютина «из чиновников разных ведомств, наиболее опытных губернаторов и лиц губернского и уездного управлений» (Труды Комиссии..., ч. I, кн. I, 1860b: 1–2).

На протяжении следующего 1860 г. Комиссия составила и представила министру внутренних дел проекты общей организации уездной полиции, организации следственных судей (30 апреля 1860 г.) и проекты особенной организации городской полиции (20 октября 1860 г.). Члены Комиссии заявляли (там же: 15):

Что же касается до особенных указаний полицейским чиновникам, то они должны быть составлены, в свое время⁹, на основании действующих уставов и представляемых ныне коренных постановлений, и войдут в особые инструкции, подлежащие утверждению Министра Внутренних дел, в порядке административном.

Когда были высочайше утверждены принятые той же Комиссией о губернских и уездных учреждениях начала для устройства земских учреждений (2 июня 1862 г.) и основные положения о преобразовании судебной части (29 сентября 1862 г.), стала очевидной несогласованность с ними представленных полицейских проектов (Высоцкий, 1903: 167). В этой связи соединенное присутствие департаментов законов, государственной экономики и Главного комитета по устройству сельского хозяйства признало возможным привести в исполнение лишь ту часть проектированных постановлений, которая относится к формированию полиции, составу и средствам ее содержания, оставив без изменения

⁷Заметим, что в этот перечень не вошли вопросы о формах и объемах общественного участия и государственного контроля над полицейской деятельностью.

⁸Другое встречающееся в официальных документах название — Комиссия о преобразовании губернских и уездных учреждений.

⁹До той поры был утвержден Временный Наказ уездным полициям от 16 августа 1861 г.

предметы ведомства, пределы власти, порядок действий, распределение обязанностей, отчетность и ответственность полиции впрямь до преобразования судебного устройства и хозяйственного управления (Исторический очерк..., 1913: 21). «По рассмотрении в Государственном Совете предположений о сем Министра Внутренних Дел, согласно мнению Совета» 25 декабря 1862 г. были высочайше утверждены «Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» «впрямь до воследования общего преобразования полиции» (ПСЗ РИ, т. 37, 1862: 588–589). Как в дальнейшем само министерство оценивало эту меру, состоялось не столько преобразование, сколько «коренное улучшение» существующих полицейских институтов и организаций (Краткий очерк..., 1880: 73).

В последующие годы земская (01 января 1864 г.) и городская (16 июня 1879 г.) реформы отделили от полиции хозяйственную часть (продовольствие, дороги, торговлю), а судебная реформа (20 ноября 1864 г.) прекратила участие полиции в отправлении суда¹⁰ (расследование было передано судебному следователю, полицейское производство — мировому суду, исполнение судебных решений — судебным приставам) (Тарасов, 1885: 110). Соответственно, уже в 1864 г. встал вопрос об анонсированном во «Временных Правилах» (1862) завершении полицейской реформы и принятии нового полицейского устава.

Причины, по которым реформа так и не была завершена¹¹, а устав — не утвержден¹², назывались различные. Во-первых, проектируемые издержки по содержанию обновленной полиции простирались до неприемлемо огромной суммы — 7 млн рублей в год (Андреевский, 1878: 138). Во-вторых, требовалось согласовать работы Комиссии о губернских

¹⁰ 8 июня 1860 г. именным указом Правительствующему Сенату от полиции была отделена следственная часть. — До судебной реформы в обязанностях полиции оставалось исследование по преступлениям и проступкам маловажным, а также первоначальное дознание.

¹¹ Более того, современники не исключали отказа от наиболее важных завоеваний незавершенной полицейской реформы: «И действительно, все направилось к освобождению уездной полиции от излишних, случайно возлагавшихся на нее дел; между тем очень можно ожидать, ввиду такой несистематичности планов, что на нее вновь будут возлагать сторонние, не вытекающие из ее существа функции» (Андреевский, 1878: 138–139).

¹² На незавершенности полицейских преобразований сходятся как современники реформ, так и последующие исследователи. Исключение представляет чиновник особых поручений, надворный советник И. П. Высоцкий, без пояснений утверждавший, что «проект общего учреждения полиции был утвержден в 1869 году и таким образом давно ожидаемая реформа полицейских учреждений свершилась» (Высоцкий, 1903: 172).

и уездных учреждениях при МВД с работами особой комиссии при Министерстве юстиции о дальнейшем преобразовании следственной части, а также с трудами других комиссий, имевшими отношение к полиции (Исторический очерк..., 1913: 22–23). Наконец, МВД продолжало локальные эксперименты, вроде создания в 1871 г. в пригородных к Санкт-Петербургу местностях особой полиции, которые следовало осмыслить и учесть при составлении нового полицейского устава (Материалы..., 1870–1876, 1870–1876; Андреевский, 1874: 205–206).

Для завершения реформирования местного управления взамен Комиссии о губернских и уездных учреждениях высочайшими повелениями от 4 сентября и 20 октября 1881 г. была создана Особая комиссия для составления проектов местного управления под руководством статс-секретаря М. С. Каханова

в составе представителей ведомств, сведущих лиц, а также сенаторов, командированных в 1880 году для ревизии некоторых губерний и для собрания данных о потребностях местного управления (Исторический очерк..., 1913: 27).

В ходе работы этой комиссии было предложено изъять из ведения полиции вопросы благоустройства, сведя полицейские обязанности к

охранению и восстановлению общественного порядка, безопасности и спокойствия, предупреждению и пресечению преступлений, дознаниям по ним, обвинениям в суде, исключая случаев, возникающих в порядке частного обвинения, исполнению судебных приговоров и содействию и оказанию первой помощи всем и каждому в случае несчастий (там же: 28).

Комиссия указала на необходимость издания свода правил «Учреждение полиции» с определением пределов власти и способов действия полицейских чинов и служителей в обыкновенных обстоятельствах, коренного пересмотра устава о предупреждении и пресечении преступлений, а также статей других уставов, относящихся к деятельности полиции.

В рамках функционировавшей полицейской системы предлагалось сохранить учреждение десятских в форме повинности населения, увеличить вдвое число становых приставов (в дальнейшем реализовано указами от 19 апреля 1904 г. и 16 января 1906 г. в отдельных местностях), отказаться от выборов сотских, разрешить учреждение отдельными поселениями и частными владельцами особых полицейских служителей и надзирателей на общих основаниях (22 июня 1900 г.), ввести назначение становых властью губернатора, а исправников — властью министра

внутренних дел, упразднить коллегиальные присутствия и сословных заседателей уездных и городских полицейских управлений (8 июня 1889 г.), ввести оплату жалованья и столовых денег чинам уездной полиции из средств государственного казначейства, преобразовать Особый жандармский корпус с целью создания Особой жандармской полиции.

Но еще до окончания своих работ Особая комиссия для составления проектов местного управления была закрыта, — согласно высочайшему повелению от 25 февраля 1885 г. труды комиссии были переданы министру внутренних дел, который во всеподданнейшем докладе от 18 декабря 1886 г. ограничился предложением ряда полицейских нововведений.

Таким образом, ожидавшаяся полномасштабная реформа полиции так и не состоялась, а в основу полицейской институциональной системы второй половины XIX в. — начала XX в. была положена обновленная екатерининская модель.

Александровская бюрократия так и не нашла выхода из «замкнутого круга» невозможности при помощи существующих полицейских организаций и доступных объемов финансирования удовлетворить возрастающие полицейские потребности населения, о которых писал немецкий полицейист Р. фон Моль (фон Моль, Попов, 1868: 529–530):

...объем полицейской деятельности очень велик, и чем выше поднимается цивилизация народа, чем более расширяются и делаются важнее житейские отношения народа, — тем более увеличивается объем требований, предъявляемых государству. Если вместе с прогрессом духовного и экономического развития народа возрастает его способность к удовлетворению своих потребностей собственными силами и вследствие этого исчезает необходимость государственной помощи в некоторых отношениях, то тем не менее еще в большем размере возрастает количество и важность учреждений, которые народ требует от государства.

Выходом из создавшегося положения могло бы стать пересоздание полицейских практик с участием новых общественных полицейских организаций,

открытие возможности для создания такой полицейской административной практики, при которой могла бы родиться гармония полицейской деятельности общины (села и волости), земства и органов земской полиции (Андреевский, 1878: 140).

Но, как объяснил сотрудникам «Кахановской комиссии» товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов П. В. Оржевский,

за границею разделение предметов полицейского ведомства между правительством и органами общественного управления фактически создает существование двух полиций: государственной (для охраны безопасности) и общественной (для охраны благосостояния и благоустройства), — что едва ли в полной мере может быть проведено в России¹³ (Исторический очерк..., 1913: 28).

ПОЛИЦЕЙСКАЯ НАУКА

«В особенно важных и сложных вопросах» Комиссия о губернских и уездных учреждениях «обращалась и к иностранным законодательствам, и к указаниям науки», будучи в итоге вынуждена констатировать, что «в отношении к русскому полицейскому законодательству не существует почти никакой ученой разработки, ни в историческом (кроме древнего периода), ни в юридическом отношении», что «в настоящее время ни теория, ни иностранные законодательства не дают точного определения исполнительной полиции и разграничения ее обязанностей» и что «определение пределов полицейского ведомства есть всего более результат исторических, жизненных явлений» (Труды Комиссии..., ч. I, кн. II, 1860а: 3, 72). И на тот момент этот укор в адрес российской науки полицейского права был обоснован, поскольку претендующие на «ученую разработку» и «точные определения» труды лишь начали

¹³Тем самым руководство МВД прекратило дискуссию о расширении общественного участия в полицейской деятельности. В заявлении П. В. Оржевского отсутствует объяснение, почему в Российской империи невозможно существование двух полиций — государственной и общественной. Предположительно логику тех, кто в середине 1880-х гг. сворачивал полицейскую реформу, отдавая предпочтение управляемости процессов и сохранению политического режима перед эффективностью и общественным порядком, сформулировал ординарный профессор Санкт-Петербургского университета А. Д. Градовский: «Но для полного объяснения дела, мы должны остановиться на одной цели государственной администрации, о которой обыкновенно не говорят исследователи вопросов местного управления, но которая имеет весьма существенное значение для форм управления. Государственная администрация, со всеми ее органами, есть не только средство для улучшения путей сообщения и санитарных условий, для распространения просвещения и общественного призрения, для раскладки и собирания податей, и т. д. Она, кроме того, есть средство для обеспечения господства данной государственной власти над всеми слоями и элементами народа и поддержания данного государственного порядка, т. е. определенной формы правления. Эта цель администрации не высказывается в уставах и регламентах установлений; но она лежит в самом существе дела» (Градовский, 1904: 19–20).

появляться в печати в период вынужденного застоя в работе Комиссии после 1864 г.

В 1867–1874 гг. в русских переводах вышли ключевые работы влиятельных немецких полицейстов, прекративших смешение понятий полиции, юстиции и финансов, а также утвердивших узкую трактовку полиции с отнесением части прежних ее функций в область хозяйства (К. Г. Рау), юстиции (Р. фон Моля), внутреннего управления или администрации (Л. фон Штейн)¹⁴ (Рау, Корсака, 1867–1868; фон Моля, Попов, 1868; фон Штейн, Андреевский, 1874).

Российские специалисты в области полицейского права очень высоко оценивали эти труды. Так, И. Е. Андреевский утверждал, что книга Р. фон Моля

впервые в XIX стол. доставила всем полицейским вопросам единство, поставила анализ, и весьма глубокий, коренных истин науки полиции, а относительно ясности изложения, беспристрастия и объективности, равно и желания поделиться богатством библиографических указаний, Моля не имеет соперников (Андреевский, 1874: 172–173).

Аналогично работу Л. фон Штейна он называл «замечательнейшей разработкой, оставляющей за собою далеко все предшествующие труды по науке полиции» (там же: 176–177). Ему вторил И. Т. Тарасов, заявлявший, что «Штейн с своею наукой об управлении (*Verwaltungslehre*) может служить лучшим руководителем» (Тарасов, 1874: II).

Критическое переосмысление различных версий немецкого полицейского права сформировало три основных направления в российской науке полицейского права 1850–1870-х гг.

Ординарный профессор по кафедре полицейского права и ректор Университета Святого Владимира Николай Христианович Бунге (1823–1895), автор неоконченного «Полицейского права» (1869), пошел под влиянием К. Г. Рау по пути дробления предмета полицейского права. Декларируя намерение

¹⁴Столетие спустя М. Фуко подведет своеобразный итог их поискам взаимосвязи полиции, хозяйства, юстиции и администрации, заявив, что «новое управленчество [...] должно, наконец, создать для себя инструмент прямого, но негативного вмешательства, каким и будет полиция. Экономическая практика, управление населением, публичное право, связанное с соблюдением свободы и свобод, полиция с репрессивной функцией: вы видите, что прежний проект полиции, тот, что возник в связи с государственным интересом, распадается или, скорее, разлагается на четыре элемента [...], которые добавляются к военно-дипломатическому устройству, почти не изменившемуся в XVIII в.» (Фуко, Суслов и др., 2011: 456)

удовлетворить потребности в руководстве при изучении государственного благоустройства и государственного благочиния, которые в общем уставе университетов соединены под названием полицейского права,

Н. Х. Бунге исходил из представления об искусственности такого соединения. В то время как полиция благоустройства черпает общие положения из политической экономии и ее постановления носят положительный характер, полиция безопасности является прикладной частью государственного права и ее постановления носят характер отрицательный (Бунге, 1873: 2–3).

Заведующий кафедры энциклопедии и истории русского права Училища правоведения, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета Иван Ефимович Андреевский (1831–1891), автор двухтомного «Полицейского права»¹⁵ (1871–1873), сделал едва ли не самую удачную и влиятельную попытку примирить системы полицейского права Р. фон Моля и Л. фон Штейна с российскими правовыми реалиями.

В духе современных ему немецких полицейстов И. Е. Андреевский формулирует «закон науки полиции» (Андреевский, 1874: 17):

Во всех случаях, когда отдельное лицо собственными силами и средствами не может создать таких условий безопасности и благосостояния, без которых развитие его невозможно, на помощь ему должна явиться деятельность других, называемая полицейскою.

Он разделяет полицейскую деятельность в широком смысле слова («деятельность целого государства (отдельных лиц, союзов, общества и правительства) для создания условий безопасности и благосостояния») и в узком смысле слова («полицейская деятельность государства, проявляемая правительством») (там же: 2, 3). По мнению И. Е. Андреевского, 1861 год является в Российской империи рубежом эпохи одностороннего, исключительного развития правительственной власти и эпохи соединения сложившейся государственной власти с другим государственным элементом — свободой многочисленного народа¹⁶ (там же: 190). Именно стремление акцентировать совместную деятельность правительства и общества признавалось критиками одним из главных достоинств работы И. Е. Андреевского (Тарасов, 1908: 84).

¹⁵ «Наиболее полный, совершенный из русских трудов по науке полиции» (Белявский, 1915: 31).

¹⁶ Возникающее в результате возвращение к утраченному государственному единству И. Е. Андреевский называет «самостоятельным русским государственным типом».

Тем не менее нет оснований утверждать вслед за Н. Н. Белявским, что «Полицейское право» И. Е. Андреевского — это «отражение взглядов Роберта ф. Моля», как, впрочем, и взглядов Л. фон Штейна (Белявский, 1915: 31). Высоко оценивая различающиеся системы права обоих немецких правоведов, принимая и усваивая их принципы, И. Е. Андреевский отбрасывает представление обоих авторов об отрицательном характере полицейской деятельности, осуществляющейся почти исключительно правительством, о принципах разделения полиции и юстиции, лишь устраняющих препятствия, созданные соответственно природой и человеком, а вкупе с этим ключевую для Р. фон Моля идею предупредительной юстиции, наконец, представление Л. фон Штейна о полиции как функции и особой отрасли (внутреннего) управления.

Оригинальное решение возникших перед наукой полицейского права проблем, состоящее в замене полицейского права общественным, предложил заслуженный профессор по кафедре законов государственного благоустройства и благочиния, декан юридического факультета Московского университета Василий Николаевич Лешков (1810–1881) в труде «Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII в.» (1858). Вопреки мнению коллег, отождествлявших или не противопоставлявших государственное и общественное, в своих теоретических построениях В. Н. Лешков исходил из того, что

между частными лицами, или частным, гражданским элементом, и между государственным союзом, или общим политическим элементом, происходит во всей Истории антагонизм, который для своего разрешения требует посредствующих соединений (Лешков, 1858: 1).

Эта посредствующая среда, или, как он ее называет, «государственное общество», должна иметь свою систему общественного права — сеть взаимных обязательств частных лиц, обществ(а) и государства, состоящую из установительных (благоустройства) и охранительных (благочиния) законов (там же: I–II, 16, 23). Что же касается полицейской деятельности, ранее осуществлявшейся исключительно правительственными органами, то она должна принадлежать «человеку, и только человеку, отдельно ли взятому или в союзе человеческого общества, но не полиции» (Лешков, 1873: 3–4).

Очевидно, что концепция общественного права В. Н. Лешкова была наиболее последовательной попыткой отреагировать на появление общественных сил в роли субъекта полицейской деятельности, и в этом

качестве работе отдавали должное (Тесля, 2015). Однако критики упрекали автора в том, что в сочинении

не имеется, строго говоря, истории общественного права, и не совершенно ясно изложены воззрения автора на понятие, соединяемое им с названием общественного права, и отличие его от полицейского права (Андреевский, 1874).

От иронии в отношении официально занимаемой позиции («я вполне понимаю трагическое его положение: занимать кафедру полицейского права и не признавать этой науки») И. Е. Андреевский переходил к перспективности самого подхода, но не предложенного В. Н. Лешковым решения («изучение общества делает большие успехи и слагаются элементы той науки, которая в будущем, может быть, и будет носить название общественного права, но содержание которой, вероятно, не будет совпадать с тем представлением, которое создает себе об общественном праве почтенный профессор» (там же: III–IV).

Искренне или нет, на заре александровской полицейской реформы идеолог замены полицейского права на общественное В. Н. Лешков призывал коллег к научному сотрудничеству: «В деле разработки полицейского права в России кооперация необходима более чем где-нибудь. *Concordia res parvae crescunt*» (Лешков, 1871: 18). Но борьба научных и административных амбиций, отсутствие взаимопонимания и готовности к компромиссам привели к тому, что элементы будущей науки общественного права, о которых рассуждал И. Е. Андреевский, так и не сложились. Ведущие российские ученые в области полицейского права лишь задекларировали, но теоретически не разработали вопрос изменения полицейской деятельности через общественное участие¹⁷, который один и мог бы в противном случае заложить основы обновленной полицейской модели.

¹⁷Так, И. Е. Андреевский находил возможным практическое применение своего либерального «закона науки полиции» лишь на уровне сельской общины, да и то под присмотром правительственного чиновника — станового пристава: «...в волостных старшинах и сельских старостах государство видит общинных органов исполнительной полиции, ничего государственному казначейству не стоящих, лучше всяких других органов понимающих обычное право и при разумном к ним отношении земской полиции долженствующих умерить любовь к излишней и превышающей силы волостных правлений переписке, могущих создать свою самобытную и обеспечивающую успех порядка и тишины полицейскую практику» (Андреевский, 1878: 135).

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

В связи с подготовкой Великих реформ правительство инициировало исторические исследования по каждому направлению намечаемых преобразований, сняв запрет на печать актов с начала XVIII в., при котором «исторические труды не могли сближаться с современным состоянием России и иметь жизненное влияние на практику» (Аристов, 1880: 666).

Как отмечал историк и публицист Н. Я. Аристов (там же: 669–670):

...я изумлялся. Читая громадные печатные кипы бумаг Государственного Совета по вопросам о смертной казни в России, о народном образовании, об опеке и т. п. Эти ученые исторические исследования служили почвой для решения вопросов путем практическим и поручались специалистам. Правительственные издания появились в громадном количестве и обнародовали множество исторических и статистических сведений, которых тщетно стали бы мы искать в других источниках. Этот фактический материал отличается необычайной точностью, сравнительно с частными данными по многим отраслям жизни. Канцелярская тайна, тяготевшая прежде над дорогами документами, стала слабее: каждое почти министерство издавало труды комиссий по разным вопросам, отчеты о действиях разных лиц и учреждений в целых книгах. Здесь историк может почерпнуть верные и ценные факты не только для изучения характера и направления административной и юридической деятельности высших лиц, но всесторонне познакомиться с состоянием народной жизни, особенно за последние полтора столетия.

Со своей стороны историки также были вынуждены постепенно пересмотреть устоявшиеся представления о «старине» и «новине», сдвигая границу между завершившимся прошлым и дрящимся настоящим с реформ Екатерины II, ставших уже на середину XIX в. «чистым прошлым» (Р. Козеллек), на преобразования Александра II (Ал. Л., 1893: 398):

Изучая нашу письменную старину, мы обыкновенно заканчиваем это изучение XVIII веком и далее не идем, находя, что настоящий век представляет еще «новину», а не старину. Между тем, приблизившись, незаметно, к концу этого XIX века, мы настолько отделились от первой его половины, что события последней отошли уже и для нас в историю, особенно после великой реформы 1861 г. Разного рода письменные источники первой половины XIX в., которые мы до сих пор отодвигали в сторону как памятники, для изучения которых не настало еще время, не только могут, но и должны уже подлежать нашему рассмотрению для изучения истории этой первой половины XIX в.

Институциональной основой для создания собственно полицейской истории стали редколлегия периодического ведомственного «Журнала

Министерства внутренних дел» (1829–1861), сменившегося в 1862 г. ежедневной «Северной почтой», постоянный Центральный Статистический Комитет (ЦСК) при МВД (с 1858) с подчиненными ему губернскими и областными статистическими комитетами, временная Комиссия о губернских и уездных учреждениях (с 1859) и сменившая ее Особая комиссия для составления проектов местного управления (1881–1885).

Процесс осмысления полицейского прошлого начался с того, что редактор (1855–1861) «Журнала Министерства внутренних дел», а затем чиновник особых поручений при министре внутренних дел (1862–1865) Николай Васильевич Варадинов (1817–1886) подготовил и издал монументальную «Историю Министерства внутренних дел» в 3 частях и 8 книгах (1858–1863), изложив год за годом в хронологическом порядке содержание законов и ведомственных распоряжений во всех (меняющихся со временем) сферах компетенции министерства (по части продовольственной, строительной, врачебной и др.), включая и полицейские вопросы безопасности и благоустройства.

С появлением нового «Положения о Губернских и Областных Статистических Комитетах» от 26 декабря 1860 г. расширилась т. н. «необязательная деятельность» существовавших с 1834 г. статистических комитетов с привлечением чиновников местной администрации и энтузиастов. В циркуляре министра внутренних дел от 8 апреля 1861 г. уточнялось, что необязательная деятельность состоит «в ученых трудах всякого рода, имеющих целью исследование губернии в разных отношениях» (Бердинских, 2003: 110). Инициированное министерством собрание и обнародование исторических и статистических сведений совпало по времени с разбором многочисленных провинциальных архивов упраздненных полицейских управлений, судебных мест, губернских правлений, в котором статистические комитеты и их сотрудники приняли активное участие. Как позднее пояснял мотивы и характер своих архивных поисков редактор неофициальной части «Киевских губернских ведомостей» (с 1881 г.) А. А. Андриевский:

Почерпаю эти материалы из той массы старых «дел» прошлого и начала нынешнего века, которая находится в архиве к[иевского] губ. правления без всякой описи сложенной в плотную кучу, значительно уже сопревшую и подгнившую.

И далее (А. А., 1882: 1882):

Знаю, что и интересного и важного в историческом отношении по Киевской Старине гораздо больше и с меньшим трудом можно найти в других благоустроенных архивах, да и в самом архиве губерн. правления, в той его части, которая хранится более или менее упорядоченною и имеет опись, но все это, думалось мне, не уйдет от исследователей, тогда как упомянутая выше часть архива наверное не могла рассчитывать на такое внимание исследователей и обречена была на погибель.

Результатом трудов подобных энтузиастов стал прежде всего выход в свет многочисленных (не)периодических изданий губернских статистических комитетов вроде губернских «Сборников», «Записок», «Памятных книжек», ежегодных «Адрес-календарей».

В распоряжении Комиссии о губернских и уездных учреждениях находилось

огромное количество дел, документов, проектов, практических соображений и сведений, собранных в Министерстве Внутренних Дел, с самого учреждения его (и особенно с 1840 г.) по 1859 г., по вопросам о преобразовании полицейского устройства,

которые представляли «обильный источник для разрешения, на практических основаниях, возникших вопросов» (Труды Комиссии..., ч. 1, кн. II, 1860а: 3). В первый год своей деятельности Комиссия о губернских и уездных учреждениях издала пакет проектов законов и ведомственных положений, обзрений записок разных правительственных лиц, мнений и замечаний губернаторов¹⁸, а также подготовила краткий «Исторический обзор постепенного развития общих уездных учреждений», заложивший основы исторической схемы российских административно-полицейских учреждений: екатерининская полицейская модель и попытки ее ревизии («Комитет 6 декабря 1826 года», реформа земской полиции 1837 г.) вплоть до открытия Комиссии (там же: 8–32). В 1870 г. в рамках продолжавшейся полицейской реформы Особое Собрание при Комиссии инициировало издание комплекса исторических документов (Материалы..., 1883–1884, 1883–1884).

Кроме того, Комиссия вверила чиновнику особых поручений при министре внутренних дел Евгению Николаевичу Анучину составление развернутого «Исторического обзора развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до

¹⁸Аналогичный обширный сборник исторических материалов издала и Особая комиссия для составления проектов местного управления (Материалы..., 1883–1884, 1883–1884).

последнего времени» (1872) на следующих началах: общее историческое обозрение для администрации и полиции «по тесной внутренней связи» материалов; исходная точка — реформы Екатерины II; структура работы — губернские административно-полицейские учреждения, уездные административно-полицейские учреждения и наружная полиция с подразделением последней на сельскую полицию, полицейские команды и городскую полицию (Анучин, 1872: III–IV).

Представляется, что издание подобных исторических обзоров (в отличие от сборников материалов) было связано не только и не столько с потребностями полицейской реформы, сколько с задачами (а где-то и результатами) формирования ведомственной и региональной идентичности. Сотрудникам Министерства внутренних дел (обоснованно или нет) представлялось, что эпоха Великих реформ отразилась на деятельности их ведомства «едва ли не более, чем на остальных частях государственного управления» (Краткий очерк..., 1880: 6). В терминах М. Хальбвакса и Я. Ассмана, группа реагирует на решительную перемену либо переставая существовать и уступая другой группе, либо затушевывая изменения и конструируя историю как неизменную длительность.

(НЕ)ПОЛИЦЕЙСКИЙ РОМАН

В середине XIX в. любопытный, вовлеченный и одновременно дистанцированный обыватель, чьи симпатии очевидно переместились от преступника к стражу закона¹⁹, желал разобраться в механике преступления и существующих способах борьбы с ней, а также в сущности правительственных предложений относительно переустройства системы гарантирования его (обывателя) безопасности и благоустройства (Ямпольский, 2004: 79; Сейерс, Белов, 1990: 45).

Любопытство западноевропейского обывателя в отношении полицейской деятельности удовлетворял «уголовный» (или «сенсационный») роман «Холодный дом» Ч. Диккенса²⁰ (1853), где был впервые выведен образ инспектора Скотленд-Ярда Бакета, и вдохновленные им «Лунный

¹⁹Популярный автор детективных романов и теоретик жанра Д. Сейерс называет новыми «кумирами народного сознания» доктора, ученого и полицейского (Сейерс, Белов, 1990: 46).

²⁰Ч. Диккенс печатал также очерки о работе лондонской сыскной полиции («Сыскная полиция», «Три рассказа о сыщиках»), вышедшие и в русских переводах (Диккенс, 1852).

камень» (1866) У. Коллинза, «Дело Леруж» (1866) и «Преступление в Орсивале» (1867) Э. Габорио²¹.

Дальше других своих современников по пути трансформации уголовного (сенсационного, авантюрного) романа в полицейский процедурал зашел Эмиль Габорио (1832–1873) в цикле произведений, объединенных образами сыщиков с Иерусалимской улицы²²: «папаши» Табаре и мсье Лекока. От романа к роману Э. Габорио все больше и больше внимания уделял образам не столько преступников, сколько сыщиков, а также разбору механики расследования, т. е. закладывал основы жанра, хорошо известные по позднему циклу повестей Ж. Сименона о расследованиях комиссара уголовной полиции Жюль Мегрэ²³.

Впрочем, как верно заметил Буало-Нарсежак, у Э. Габорио

роман начинает напоминать детектив. [...] И все-таки это еще не детективный роман. Это детективная новелла, вокруг которой накручена традиционная мелодрама (Буало-Нарсежак, Белов и др., 1990: 193).

Во-первых, расследование обязательно предполагает создание психологического портрета преступника и поиск идеально отвечающего этому портрету подозреваемого. Как говорит «папаша» Табаре:

...преступление всегда вытекает из характера преступника. [...] Имея преступление со всеми его обстоятельствами и деталями, я по кусочкам строю план обвинения и передаю его вам лишь тогда, когда он готов целиком и полностью. Если к некоему человеку этот план приложим в точности и во всех подробностях, преступник найден. Если нет, значит, арестован невинный. Недостаточно совпадения каких-то отдельных эпизодов. Нет — либо все, либо ничего. Это непреложное условие («Дело Леруж»).

Во-вторых, даже самое банальное, на первый взгляд, преступление при тщательном расследовании обнаруживает у Э. Габорио его сенсационный характер («в этом деле есть все, что обеспечивает успех подобным драмам, — и адюльтер, и отравление, и месть, и убийство» («Преступление в Орсивале»)).

²¹Э. Габорио и Ф. Буагобе, заложившие основы полицейского романа, ориентировались также на французскую традицию авантюрного романа (Э. Сю, П. Феваль и др.).

²²Центральный офис парижской Сыскальной полиции, нарицательное наименование полиции в целом.

²³К схожему выводу приходит и Буало-Нарсежак: «Когда Лекок заявляет: „Я отбрасываю свою индивидуальность, чтобы примерить личину преступника. Я перестаю быть агентом Сюрте и превращаюсь в этого человека — кем бы он ни был!“ — он подражает шевалье Дюпену и превосхищает Мегре» (Буало-Нарсежак, Белов и др., 1990: 193).

Наконец, Э. Габорио указал на ту особенность полицейского расследования, что ведется оно обычно не благодаря помощи обывателей, а вопреки их явному или скрытому сопротивлению, т. е. полицейский волей-неволей представляется читателю героем-одиночкой («К полиции, хоть это и глупо, как, впрочем, многое другое, относятся скверно»; «Во Франции, сударь, против полиции ополчился не только преступный мир, но и порядочные люди»). Это происходит потому, что во французском обществе сложился нелюбимый образ полицейского («...у человека, служащего на Иерусалимской улице, должен быть коварный взгляд, в лице нечто сомнительное, замызганный вид и булавка либо перстень с фальшивым камнем. Даже самый тупоумный лавочник убежден, что с двадцати шагов распознает полицейского, поскольку тот обязан быть могучим усатым верзилой в засаленной фетровой шляпе, чья шея стиснута уже лохматящимся воротничком; облачен он в потертый черный сюртук, наглухо застегнутый, дабы скрыть полное отсутствие белья»).

В результате с полицией если и сотрудничают, то вынужденно и с демонстрируемой неохотой («Г-н Домини не любил полицию и почти не скрывал этого. Он не то чтобы шел на сотрудничество с нею, а скорей покорялся необходимости и лишь потому, что не мог без нее обойтись. С присущей ему прямолинейностью он осуждал средства, к которым ей часто приходится прибегать, хотя и признавал их неизбежность» («Преступление в Орсивале»).

Возбуждение от заявленных в эпоху Великих реформ полицейских преобразований²⁴, распространяющийся среди российских обывателей интерес ко всему маргинальному (с чем полиция повсеместно имеет дело и чем отчасти является внутри государственного организма) и воздействие западного «сенсационного» (или «уголовного») романа позволяли надеяться на появление художественного образа меняющейся российской полицейской реальности.

И действительно, в 1866 г. в России одновременно с появлением во Франции «Дела Леруж» (1866) Э. Габорио вышел роман²⁵, автор которого так же, как и его французский коллега, зачитывался произведениями и находился под сильным влиянием Ч. Диккенса и Э. Сю (Катарский, 1976: 278; Туниманов, 1978: 283–284; де Вогюэ, Бифани, 1886: 78).

²⁴О сильном возбуждении общественной мысли в 1858–1859 гг. в связи с предложениями нового устройства местного управления и полиции свидетельствовал сенатор Я. А. Соловьев в своих позднейших записках (Соловьев, 1882).

²⁵В том же 1866 г. была создана Санкт-Петербургская сыскная полиция.

Действие обоих произведений было «современное, в нынешнем году»²⁶, главный герой — молодой юрист, по всеобщему признанию талантливый, со сложными отношениями обожания/отталкивания с матерью, поддерживавший деньгами девушку легкого поведения, — пытался радикально изменить свое положение в обществе, убив старуху-процентщицу, после чего вел долгие беседы с соседом-полицейским, частью невольной, а частью вполне осознанно проговариваясь о мотивах и обстоятельствах совершенного.

Ни о каких сюжетных заимствованиях Ф. М. Достоевского у Э. Габорио (или наоборот) речи, конечно, идти не может — скорее это пример не так уж редко встречающегося «парного» сюжета и невольной переклички литературных приемов.

Литературный критик Э. де Воюэ подчеркивает, что «Преступление и наказание» (как и романы Э. Габорио) — это «исследование в области уголовной психологии», «роман является драмой чисто психологического характера» (де Воюэ, Бефани, 1886: 79).

Петербургский следственный пристав Порфирий Петрович удивительно напоминает своего парижского коллегу «папашу» Табаре, когда обсуждает с Раскольниковым создание образа преступления:

Нет, батюшка Родион Романыч, тут не Миколка! Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помutilось сердце человеческое; когда цитруется фраза, что кровь «освежает»; когда вся жизнь проповедуется в комфорте. Тут — книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце [...] нет, уж какой тут Миколка, голубчик Родион Романыч, тут не Миколка!

— и психологический портрет подозреваемого:

Раздражительны вы уж очень, Родион Романыч, от природы-с; даже уж слишком-с, при всех-то других основных свойствах вашего характера и сердца, которые, я лщу себя надеждой, что отчасти постиг-с («Преступление и наказание»).

Что отличает Порфирия Петровича от «папашы» Табаре, но сближает с его учеником и младшим коллегой мсье Лекоком, это невозможность удовлетвориться отысканием идеального подозреваемого, отсутствие надежды на чистосердечное признание и поиск обличающих улики

Ну, уж конечно, и я мог, даже и тогда, рассудить, что не всегда этак случается, чтобы вот встал человек, да и бракнул вам всю подноготную. Это хоть

²⁶Из письма Ф. М. Достоевского М. Н. Каткову от сентября 1865 г.

и случается, в особенности, когда человека из последнего терпения выведешь, но, во всяком случае, редко. Это и я мог рассудить. Нет, думаю, мне бы хоть черточку! хоть бы самую махочкую черточку, только одну, но только такую, чтоб уж этак руками можно взять было, чтоб уж вещь была, а не то что одну эту психологию²⁷ («Преступление и наказание»).

В дальнейшем увлечение произведениями Ч. Диккенса, а потом и его литературными последователями привело к появлению в России целой серии «сенсационных» («уголовных») романов и повестей: «Острог и жизнь» (1866) Н. М. Соколовского, «Правые и виноватые. Записки следователя сороковых одов» (1869) П. И. Степанова, «Записки следователя» (1872) Н. П. Тимофеева, «Рассказы судебного следователя» (1872) А. А. Шкляревского и др.

В них акцент был сделан на раскрытие не столько преступления, сколько психологии преступника. Преступления носят сенсационный характер (присвоение личности, использование яда кураре, убийствами оказываются представители «высшего света»), центральный персонаж — служащий изначально по Министерству внутренних дел чиновник особых поручений (надворный советник Николай Иванович Щедрин) или следственный пристав (Филовертов у М. Е. Салтыкова-Щедрина, Порфирий Петрович у Ф. М. Достоевского)²⁸, остальные полицейские выступают в качестве фоновых, но хорошо известных публике и необходимых героев²⁹, с которыми преступники пытаются хитрить, но и ищут общества которых, стараются сблизиться с ними (де Вогюэ, Бефани, 1886: 81).

В российском уголовном романе следственный пристав или следователь — это по-прежнему тот, кто рассказывает о преступнике и преступлении (или кому рассказывает преступник/очевидец), кто может понять и принять услышанное, потому что сам не без греха и/или психологически подавлен:

Кто я? Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный («Преступление и наказание»).

²⁷В ту последнюю известную нам беседу Порфирия Петровича с Раскольниковым следователь обмолвился, что такую «черточку» он обнаружил, но читателю она так и не была предъявлена.

²⁸После следственной реформы 1860 г. (в столицах 1866 г.) их сменяют на страницах русского уголовного романа служащие по Министерству юстиции судебные следователи.

²⁹Первое упоминание полиции в «Преступлении...» — из уст кухарки, в исковерканной простонародной форме («Прасковья-то Павловна в *полицу* на тебя хочет жалиться»).

Подоплека такого психологического надлома чаще всего не раскрывается. Отмечают лишь, что дознаватель в уголовном романе — это не самодостаточная фигура, а скорее проекция фигуры то ли автора (Ф. М. Достоевский уподоблял М. Е. Салтыкова-Щедрина его герою Филовертову³⁰), то ли преступника (Порфирий Петрович как проекция Раскольников) (Туниманов, 1978: 101; Миджиферджян, 1987: 67)).

В конце периода А. П. Чехов уже откровенно пародирует российский «уголовный роман», его нарочитую и оторванную от жизни сенсационность в рассказах «Шведская спичка» (1884) и «Следователь» (1886), где есть игра ума, но, как обнаруживается, нет ни сенсации, ни самого преступления.

В дальнейшем полицейский выходит из тени судебного следователя, часто действует вопреки правовым нормам и процедурным ограничениям³¹, разрушая «затхлое пространство общепринятых канонов» (там же: 75–76) и готовя трансформацию «сенсационного» романа в собственно полицейский, лишенный психологизма, сенсационности и юридической ограниченности первого³².

Если мыслить канон как нормативный инструмент, исключаящий неопределенность, то идея полицейского канона представляется довольно странной, поскольку полиция по определению представляет собой ненормальное (заведомо недоинституционализированное) заведение³³, наделенное чрезвычайной властью и ограниченное в ее использовании: по выражению И. Т. Тарасова, «всё и ничто».

Российский полицейский канон эпохи Великих реформ, включающий полицейское законодательство, науку, историю и статистику, а также художественный образ полицейской реальности, стал результатом незавершенной (по причине отсутствия консенсуса в мобилизованных полях,

³⁰При этом Порфирий Петрович из «Преступления и наказания» является тезкой одного из героев «Губернских очерков» (Туниманов, 1978: 101).

³¹См.: первая беседа Порфирия Петровича с Раскольниковым об условности и необязательности полицейских процедур.

³²Это произойдет уже за рамками рассматриваемого периода: в 1904–1916 гг. из печати выйдут воспоминания «русского Видока» И. Д. Путилина, первого начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции (1866–1889), а также основанные на них рассказы Романа Доброго (Р. Л. Антропова) «Гений русского сыска И. Д. Путилин» (1903–1908).

³³В рамках фуколядианского подхода полицию можно определить как нормирующую, но ненормируемую.

доксы в поле власти и опасений за устойчивость политической системы) попытки нормализовать полицейские институты (через ревизию лежащих в их основе убеждений), чтобы использовать их в дальнейшем для нормализации преобразуемого общества.

Не столько изобретая, сколько складывая из уже известных (исторических) элементов и иностранных заимствований, идеологи полицейской реформы поставили, но так и не решили задачу, сформулированную российским правоведом И. Е. Андреевским, а именно — как придать новое направление существующим ограниченным денежным тратам и несовершенным полицейским органам в интересах безопасности и благосостояния населения. Придя в итоге к утверждению идеи принципиальной невозможности определиться с сущностью полицейской деятельности, соответственно (научного и художественного) ее осмысления и (правового) нормирования (все, что подлежало нормированию, было вынесено в сферы юстиции, администрации и финансов). Впрочем, по Г. Блуму, канонической становится «такая форма самобытности, которая либо не поддается усвоению, либо сама усваивает нас и перестает казаться нам странной» (Блум, Харитонов, 2017: 10).

ЛИТЕРАТУРА

- А. А. [Предисловие] // Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Выпуск 1-й. Изд. редактор неофициальной части Киевских губернских ведомостей А. А. — К. : Губернская типография, 1882.
- Ал. Л. Отрывок из дневника полтавского помещика (1834–35 гг.) // Киевская Старина. — 1893. — Т. 41. — С. 398–427.
- Андреевский И. Е. Полицейское право. В 2 т. Т. 1. Введение и Ч. 1. Полиция безопасности. — СПб. : Типография Эд. Праца, 1874.
- Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции в России // Сборник государственных знаний / под ред. В. П. Безобразова. — СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1878. — С. 125–140.
- Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. Составлен, по распоряжению Министра Внутренних дел, Чиновником особых поручений при Министре Е. Анучиным. — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1872.
- Аристов Н. Я. Разработка русской истории в последние 25 лет (1855–1800) // Исторический вестник. — 1880. — Т. 1, № 4. — С. 665–680.

- Белявский Н. Н.* Полицейское право : (Адм. право): Конспект лекций Н. Н. Белявского, проф. Имп. Юрьев. ун-та: (Вместо литогр. записок). — Пг. : Тип. т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1915.
- Бердинский В. А.* Уездные историки : Провинциальная историография. — М. : Новое литературное обозрение, 2003.
- Блум Г.* Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитоновна. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Буало-Нарсежак.* Детективный роман / пер. с фр. С. Белова, В. Воронина // Как сделать детектив / под ред. А. Строева. — М. : Радуга, 1990. — С. 192–224.
- Бунге Н. Х.* Полицейское право : Курс, чит. в Ун-те св. Владимира проф. Н. Бунге. В 2 т. Т. 1. — Киев : Университетская типография, 1873.
- Бурдые П.* О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнаревой. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Вогюэ Э. де.* Федор Михайлович Достоевский как психолог, под судом французской критики / пер. В. П. Бефани // Эпоха. Ежемесячный литературный журнал. — 1886. — Т. 1, № 1. — С. 75–96.
- Высоцкий И. П.* Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903 гг.) Краткий исторический очерк. — СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903.
- Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. III. Органы местного управления. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1904.
- Диккенс Ч.* Лондонские воры и лондонская полиция. Статья Диккенса : пер. с англ. // Современник. Литературный журнал. — 1852. — Т. 31, № 1. — С. 41–71.
- Императрица Екатерина Великая.* Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2008.
- Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1913.
- Как сделать детектив / под ред. А. Строева. — М. : Радуга, 1990.
- Катарский И. М.* Достоевский и Диккенс (1860–1870-е годы) // Достоевский. Материалы и исследования. — 1976. — Т. 2. — С. 277–284.
- Кильдошов О. В.* Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12, № 3. — С. 9–40.
- Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 г. (Представлен Государю Императору 19-го Февраля 1880 г.) — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1880.
- Лешков В. Н.* Русский народ и государство : История русского общественного права до XVIII века. — М. : Университетская типография, 1858.
- Лешков В. Н.* Полицейское право. Часть 1. Благоустройство. Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге.

- Киев. 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Обзорение различных отраслей хозяйственной деятельности. Окончание 1 тома. Т. 1. — М. : Университетская типография, 1871.
- Лешков В. Н.* Критика. Полицейское право г. Андреевского, профессора С. Петербургского университета. Т. 1. — М. : Университетская типография, 1873.
- Материалы Высочайше учрежденной Особой комиссии под председательством статс-секретаря Каханова для составления проектов местного управления : в 5 т. — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1883–1884.
- Материалы, собранные для Высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений : в 8 т. — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1870–1876.
- Миджифердзян Т. В.* Раскольников — Свидригайлов — Порфирий Петрович : поединок сознаний // Достоевский. Материалы и исследования. — 1987. — Т. 7. — С. 65–80.
- Моль Р. фон.* Энциклопедия государственных наук / пер. с нем. А. Попова. — СПб., М. : М. О. Вольф, 1868.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / пер. К. Мартынова, Н. Эдельмана. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
- Полное собрание законов Российской Империи. В 55 т. Т. 28. — СПб. : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1853.
- Полное собрание законов Российской Империи. В 55 т. Т. 37. — СПб. : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862.
- Рау К. Г.* Основные начала финансовой науки : в 2 т. / пер. с нем. А. Корсака. — СПб. : Типография Майкова, 1867–1868.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. В 148 т. Т. 42. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. — СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1885.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. В 148 т. Т. 90. Бумаги Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. — СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1894.
- Сейерс Д.* Предисловие к детективной антологии / пер. с англ. С. Белова // Как сделать детектив / под ред. А. Строева. — М. : Радуга, 1990. — С. 42–76.
- Соловьев Я. А.* Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. — 1882. — Т. 33, № 3. — С. 561–596.
- Тарасов И. Т.* Основные положения Лоренца Штейна по полицейскому праву в связи с его учением об управлении, изложенные приготавливающимся к профессорскому званию по Кафедре полицейского права стипендиатом Университета св. Владимира И. Тарасовым. — Киев : Университетская типография, 1874.
- Тарасов И. Т.* Полиция в эпоху реформ. — М. : Редакция «Юридического вестника», 1885.

- Тарасов И. Т.* Лекции по полицейскому (административному) праву. — М. : Типография Московского университет, 1908.
- Тесля А.* Василий Николаевич Лешков и его теория «общественного права» как попытка альтернативы «полицейскому праву» // Социологическое обозрение. — 2015. — Т. 14, № 1. — С. 203–223.
- Тот Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Тот Ю. В. — Санкт-Петербург, СПбГУ, 2003.
- Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях. В 2 т. Т. 1. Учреждения уездные. Книга II. Объяснительные записки. — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1860а.
- Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях. В 2 т. Т. 1. Учреждения уездные. Книга I. Проекты. — СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1860б.
- Туниманов В. А.* Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856–1863) // Достоевский. Материалы и исследования. — 1978. — Т. 3. — С. 92–113.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном г. / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011.
- Фукс В. Я.* Суд и полиция : в 2 ч. — М. : Университетская типография, 1889.
- Штейн Л. фон.* Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии : руководство, изд. Лоренцом Штейном, проф. Вен. ун-та, как основание его лекций / пер. с нем. И. Е. Андреевского. — СПб. : А. С. Гиероглифов, 1874.
- Ямпольский М.* Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана : Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.

Gal', B. A. 2022. "Rossiyskiy politseyskiy kanon (1856–1886) [Russian Police Canon (1856–86)]: popytka normalizatsii nenormal'nogo [An Attempt to Normalize the Abnormal]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] 6 (1), 117–150.

BOGDAN GAL'

PHD IN HISTORY; ASSOCIATE PROFESSOR

DEPARTMENT OF HISTORY AND POLITICAL THEORY

NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY "DNIPRO POLITECHNIC", (DNIPRO, UKRAINE);

ORCID: 0000-0003-3661-5616

RUSSIAN POLICE CANON (1856–1886)

AN ATTEMPT TO NORMALIZE THE ABNORMAL

Submitted: Oct. 23, 2021. Reviewed: Jan. 07, 2022. Accepted: Feb. 03, 2022.

Abstract: The Russian police canon of the era of the Great Reforms is reconstructed in the article through its manifestations in police legislation, the theory of police law, police history and a "criminal" novel. In 1859–1862 the Provincial and County Institutions Commission under the Ministry of Internal Affairs pointed out the obsolescence of the prevailing police model and prepared a package of draft laws and departmental regulations. For financial reasons and irreparable contradiction with the beginning of other reforms, the result of the Commission's activities was not so much a transformation as a "radical improvement" of the existing police institutions and organizations. In the theory of police law, under the influence of German lawyers, the question of changing policing through public participation and the exclusion of everything "unusual" for the police (legal proceedings, welfare) was raised, but not resolved. The collection and publication of historical and statistical information initiated by the Ministry of Internal Affairs, as well as the publication of historical reviews, served the tasks of police reform and the formation of departmental identity. The curiosity of the Russian man in the street regarding police activity was partially satisfied with "criminal" (or "sensational") novels, in which the emphasis was placed on solving not so much the crime as the psychology of the criminal, and the policemen acted as background heroes. As a result of attempts to comprehend, transform and normalize (institutionalize) the Russian police, the idea of the impossibility of defining the essence of police activity, its scientific and artistic interpretation and legal regulation was established. The police model began to be perceived as canonical, including organizational forms that were interpreted by contemporaries as outdated, and aimed at resolving tasks that were not within the competence of "normal" (sufficiently institutionalized) organizations.

Keywords: Canon, Norm, Police Model, Provincial and County Institutions Commission, Police Law, Artistic Image, the Era of Great Reforms.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-117-150.

REFERENCES

[in Russian]. 1853. Vol. 28 of *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii* [*A Complete Collection of Laws of the Russian Empire*], 55 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.

- [in Russian]. 1862. Vol. 37 of *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii* [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 55 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.
- A. A. 1882. “[Predislouviye] [[Preface]]” [in Russian]. In *Istoricheskiye materialy iz arkhiva Kiyevskogo gubernskogo pravleniya. Vypusk 1-y. Izd. redaktor neofitsial’noy chasti Kiyevskikh gubernskikh vedomostey A. A.* [Historical Materials from the Archive of the Kiev Provincial Government. Issue 1]. K.: Gubernskaya tipografiya.
- Al. L. 1893. “Otryvok iz dnevnika poltavskogo pomeschchika (1834–35 gg.) [An Excerpt from the Diary of a Poltava Landowner (1834–1835)]” [in Russian]. *Kiyevskaya Starina* [Kiev Antiquity] 41:398–427.
- Andreyevskiy, I. Ye. 1874. *Vvedeniye i Ch. 1. Politsiya bezopasnosti* [Introduction. Part 1, Security Police] [in Russian]. Vol. 1 of *Politseyskoye pravo* [Police Law]. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ed. Pratsa.
- . 1878. “Reforma ispolnitel’noy politsii v Rossii [Reform of the Executive Police in Russia]” [in Russian]. In *Sbornik gosudarstvennykh znaniy* [Collection of State Knowledge], ed. by V. P. Bezobrazov, 125–140. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya V. Bezobrazova i komp.
- Anuchin, Ye. N. 1872. *Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii, s Uchrezhdeniya o guberniyakh 1775 g. do poslednego vremeniya. Sostavlenn, po rasporyazheniyu Ministra Vnutrennikh del, Chinovnikom osobykh porucheniy pri Ministre Ye. Anuchinym* [Historical Overview of the Development of Administrative and Police Institutions in Russia, from the Establishment of Provinces in 1775 until Recently. Compiled, by order of the Minister of Internal Affairs, by the Special Assignments Officer E. Anuchin under the Minister] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
- Aristov, N. Ya. 1880. “Razrabotka russkoy istorii v posledniye 25 let (1855–1800) [Study of Russian History in the last 25 Years (1855–1800)]” [in Russian]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald] 1 (4): 665–680.
- Belyavskiy, N. N. 1915. *Politseyskoye pravo* [Police Law]: (Adm. pravo): Konspekt lektsiy N. N. Belyavskogo, prof. Imp. Yur’yev. un-ta: (Vmesto litogr. zapisok) [(Administrative Law)] [in Russian]. Pg.: Tip. t-va “Yekateringofskoye pechatnoye delo”.
- Berdinskikh, V. A. 2003. *Uyezdnnyye istoriki* [County Historians]: *Provintsial’naya istoriografiya* [Provincial Historiography] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Bloom, H. 2017. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen* [The Western Canon. The Books and School of the Ages] [in Russian]. Trans. from the English by D. Kharitonov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Bourdieu, P. 2016. *O gosudarstve* [Sur l’État]: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992) [Cours au Collège de France (1989–1992)] [in Russian]. Trans. from the French by D. Kralechkin and I. Kushnareva. Moskva [Moscow]: Izdatel’skiy dom “Delo” RANKHiGS.
- Boileau-Narcejac. 1990. “Detektivnyy roman [Le roman policier]” [in Russian]. In *Kak sdelat’ detektiv* [How to Make a Detective], ed. by A. Stroyev, trans. from the French by S. Belov and V. Voronin, 192–224. Moskva [Moscow]: Raduga.
- Bumagi imperatritsy Yekateriny II, khraryashchiyesya v Gosudarstvennom arkhive Ministerstva inostrannykh del [The Papers of Empress Catherine II, Kept in the State Archive of the Ministry of Foreign Affairs] [in Russian]. 1885. Vol. 42 of *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [The Collection of the Russian Historical Society]. 148 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.

- Bumagi Komiteta, uchrezhdennogo Vysochayshim reskriptom 6 dekabrya 1826 goda* [Papers of the Committee Established by the Supreme Rescript on December 6, 1826] [in Russian]. 1894. Vol. 90 of *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [The Collection of the Russian Historical Society]. 148 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
- Bunge, N. Kh. 1873. [in Russian]. Vol. 1 of *Politseyskoye pravo* [Police Law]: Kurs, chit. v Un-te sv. Vladimira prof. N. Bunge [The Course Given at the University of St. Vladimir by Prof. N. Bunge]. 2 vols. Kiyev [Kiev]: Universitet-skaya tipografiya.
- Catherine the Great. 2008. *Nakaz, dannyy Komissii o sochinenii proyekta novogo Ulozheniya* [The Order Given to the Commission on the Compilation of a Draft of a New Code] [in Russian]. Ed. by V. A. Tomsinov. Moskva [Moscow]: Zertsalo.
- Dickens, Ch. 1852. "Londonskiye vory i londonskaya politsiya. Stat'ya Dikkensa [London Thieves and London Police]" [in Russian]. *Sovremennik. Literaturnyy zhurnal* [Contemporary. Literary Magazine] 31 (1): 41–71.
- Foucault, M. 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo* [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976] [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye* [Sécurité, territoire et population]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom g. [(1977–1978)] [in Russian]. Trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Fuks, V. Ya. 1889. *Sud i politsiya* [Court and Police] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- Gradovskiy, A. D. 1904. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. III. Organy mestnogo upravleniya* [The Beginnings of Russian State Law. Ch. III. Local Government Bodies] [in Russian]. Vol. 9 of *Sobraniye sochineniy* [Selected Works]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Istoricheskyy ocherk obrazovaniya i razvitiya politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii* [Historical Sketch of the Formation and Development of Police Institutions in Russia] [in Russian]. 1913. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
- Katarskiy, I. M. 1976. "Dostoyevskiy i Dikkens (1860–1870-ye gody) [Dostoevsky and Dickens (1860–1870s)]" [in Russian]. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research] 2:277–284.
- Kil'dyushov, O. V. 2013. "Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i politseyskoy praktiki [Police as Science and as Politics: On the Birth of the Contemporary Order from the Philosophy and Political Practice]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review] 12 (3): 9–40.
- Kratkiy ocherk deyatelnosti Ministerstva vnutrennikh del za dvadtsatipyatiletie. 1855–1880 g. (Predstavlen Gosudaryu Imperatoru 19-go Fevralya 1880 g.)* [A Brief Outline of the Activities of the Ministry of Internal Affairs for the 25th Anniversary. 1855–1880] [in Russian]. 1880. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
- Leshkov, V. N. 1858. *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian Nation and State]: *Istoriya russkogo obshchestvennogo prava do XVIII veka* [The History of Russian Public Law before 18th Century] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- . 1871. *Politseyskoye pravo. Chast' 1. Blagoustroystvo. Vypusk 1, 2 i 3 kursa, chitannogo v Universitete sv. Vladimira professorom N. Kh. Bunge. Kiyev. 1869 g. I. Istoricheskyy ocherk ekonomicheskikh ucheniy. II. Obozreniye razlichnykh otrasley*

- khozyaystvennoy deyatel'nosti. Okonchaniye 1 toma [Police Law. Part 1. Improvement. Issue 1, 2 and 3 courses, read at the University of St. Vladimir by Professor N. H. Bunge. Kiev. 1869 I. Historical Sketch of Economic Doctrines. II. Review of Various Branches of Economic Activity. End of Volume 1] [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.*
- . 1873. *Kritika. Politseyskoye pravo g. Andreyevskogo, professora S. Peterburgskogo universiteta [Critical Review. Police Law of Professor of the Saint Petersburg University Mr. Andreevskij] [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.*
- Materialy Vysochayshe uchrezhdennoy Osoboy komissii pod predsedatel'stvom stat-sekretarya Kakhanova dlya sostavleniya proyektov mestnogo upravleniya [Materials of the Imperially Established Special Commission Chaired by State Secretary Kakhanov for Drafting Local Government Projects] [in Russian]. 1883–1884. 5 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.*
- Materialy, sobrannyye dlya Vysochayshe uchrezhdennoy komissii o preobrazovanii gubernskikh i uyezdnikh uchrezhdeniy [Materials Collected for the Imperially Established Commission on the Transformation of Provincial and District Institutions] [in Russian]. 1870–1876. 8 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.*
- Midzhiferdzhyan, T. V. 1987. “Raskol'nikov — Svidrigaylov — Porfiriy Petrovich [Raskolnikov — Svidrigailov — Porfiry Petrovich]: poyedinok soznaniy [The Duel of Consciousnesses]” [in Russian]. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Research] 7:65–80.*
- Mohl, R. von. 1868. *Entsiklopediya gosudarstvennykh nauk [Encyklopädie der Staatswissenschaften] [in Russian]. Trans. from the German by A. Popov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: M. O. Vol'f.*
- North, D. 2010. *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Understanding the Process of Economic Change] [in Russian]. Trans. by K. Martynov and N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.*
- Rau, K. H. 1867–1868. *Osnovnyye nachala finansovoy nauki [Grundsätze der Finanzwissenschaft] [in Russian]. Trans. from the German by A. Korsak. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Maykova.*
- Sayers, D. 1990. “Predisloviye k detektivnoy antologi [Preface to the Detective Anthology]” [in Russian]. In *Kak sdelat' detektiv [How to Make a Detective]*, ed. by A. Stroyev, trans. from the English by S. Belov, 42–76. Moskva [Moscow]: Raduga.
- Solov'yev, Ya. A. 1882. “Zapiski senatora Ya. A. Solov'yeva o krest'yanskom dele [Notes of Senator Ya. A. Solovyov on the Peasant Affair]” [in Russian]. *Russkaya starina [Russian Antiquity] 33 (3): 561–596.*
- Stein, L. von. 1874. *Ucheniye ob upravlenii i pravo upravleniya s sravneniyem literatury i zakonodatel'stvu Frantsii, Anglii i Germanii [Die Lehre von der vollziehenden Gewalt, ihr Recht und ihr Organismus. Mit Vergleichung der Rechtszustände von England, Frankreich und Deutschland]: rukovodstvo, izd. Lorentsom Shteynom, prof. Ven. un-ta, kak osnovaniye yego lektsiy [in Russian]. Trans. from the German by I. Ye. Andreyevskiy. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: A. S. Giyeroglifov.*
- Stroyev, A., ed. 1990. *Kak sdelat' detektiv [How to Make a Detective] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Raduga.*
- Tarasov, I. T. 1874. *Osnovnyye polozeniya Lorentsa Shteyna po politseyskomu pravu v svyazi s yego ucheniyem ob upravlenii, izlozhennyye prigotovlyayushchimsya k professorskomu zvaniyu po Kafedre politseyskogo prava stipendiatom Universiteta sv. Vla-*

- dimira I. Tarasovym [Lorenz Stein's Main Provisions on Police Law in Relation to His Doctrine of Governance, Set forth by the University of St. Vladimir I. Tarasov]* [in Russian]. Kiyev [Kiev]: Universitet-skaya tipografiya.
- . 1885. *Politsiya v epokhu reform [Police in the Era of Reform]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Redaktsiya “Yuridicheskogo vestnika”.
- . 1908. *Lektsii po politseyskomu (administrativnomu) pravu [Lectures on Police (Administrative) Law]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tipografiya Moskovskogo universitet.
- Teslya, A. 2015. “Vasilij Nikolayevich Leshkov i yego teoriya ‘obshchestvennogo prava’ kak popytka al’ternativy ‘politseyskomu pravu’ [Vasily Ivanovich Leshkov and His Theory of the ‘Social Law’ as an Attempted Alternative to the ‘Police Law’]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]* 14 (1): 203–223.
- Tot, Yu. V. 2003. “Reforma uyezdnoy politsii v pravitel’svennoy politike Rossii v khikh veke [Reform of the District Police in the Government Policy of Russia in the Nineteenth Century]” [in Russian]. Published summary of a doctoral diss., Cankt-Peterburg, SPbGU.
- Tunimanov, V. A. 1978. “Dostoyevskiy i Saltykov-Shchedrin (1856–1863) [Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin (1856–1863)]” [in Russian]. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Research]* 3:92–113.
- Uchrezhdeniya uyezdnnyye. Kniga I. Proyektuy [County Institutions. Book I. Projects]* [in Russian]. 1860. Vol. 1 of *Trudy Komissii o gubernskikh i uyezdnnykh uchrezhdeniyakh [Proceedings of the Commission on Provincial and District Institutions]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
- Uchrezhdeniya uyezdnnyye. Kniga II. Ob’yasnitel’nyye zapiski [County Institutions. Book II. Explanatory Notes]* [in Russian]. 1860. Vol. 1 of *Trudy Komissii o gubernskikh i uyezdnnykh uchrezhdeniyakh [Proceedings of the Commission on Provincial and District Institutions]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
- Vogyue, E. de. 1886. “Fedor Mikhaylovich Dostoyevskiy kak psikholog, pod sudom frantsuzskoy kritiki [Fyodor Mikhailovich Dostoevsky as a Psychologist, under the Trial of French Criticism]” [in Russian], trans. by V. P. Befani. *Epokha. Yezhemesyachnyy literaturnyy zhurnal [Epoch. Monthly Literary Magazine]* 1 (1): 75–96.
- Vysotskiy, I. P. 1903. *Sankt-Peterburgskaya stolichnaya politsiya i gradonachal’stvo (1703–1903 gg.) [St. Petersburg Metropolitan Police and City Administration (1703–1903)]: Kratkiy istoricheskiy ocherk [A Brief Historical Sketch]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: T-vo R. Golike i A. Vil’borg.
- Yampol’skiy, M. 2004. *Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga 1. Vozvrashcheniye Leviafana [The Return of the Leviathan. Book 1. The Return of Leviathan]: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima [Political Theology, Representations of Power, and the End of the Old Regime]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.